

ВЕРА ПРАВДА

В 1978 г. окончила исторический факультет Томского университета. Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, теории и истории культуры. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «После 12». Вера Леонидовна признаётся: «Литературное творчество для меня – способ общения с собой и миром».

ДРУГИЕ

Другие появились, когда мне было шесть лет. Я увидела их из окна поезда, идущего в Алма-Ату. Ночью мы сели в плацкартный вагон на маленькой станции Азат. Утром я проснулась и посмотрела в окно. Мы проезжали мимо аула – там были другие. Чумазые, босые казачата, бегали возле небольшого пруда на зелёной лужайке. Я не знала их имён, не знала, кто их мамы и папы, не знала названия посёлка. Меня встревожило это, но ещё больше меня тревожило то, что они не знают меня. Они живут здесь много-много дней, едят лепёшки с молоком на ужин, стреляют из рогаток, ходят купаться, не догадываясь даже, что и я есть на свете. Они не знают, что я живу на улице Целинной, что у меня есть красивое голубое платье с кружевным воротничком, которое мне привезли из Москвы, – ничего этого они не знали и никогда уже теперь не узнают. Поезд тронулся и поехал, а они даже не посмотрели в мою сторону.

В Раздольном я знала всех, и там не было других. Тетя Катя не другая, потому что она мама Иры, а у Иры волосики беленькие-беленькие в две косички заплетены. А тётя Поля пудру и помаду в магазине продаёт. И одноногая тётя Зина, хоть и страшная, но не другая. Она билеты в клубе отрывает. Все были чьи-то мамы или папы, сёстры и братья, поэтому нужные. Они были нужные

потому ещё, что меня знали, и папу знали моего, и маму, а значит, и я нужная была.

Потом мы приехали в Алма-Ату. Там на вокзале других было больше, чем жителей в нашем Раздольном. «Зачем их так много? И если так много других, которым нет дела до меня, то... как же я...?». И тут он возник, этот мучительный вопрос, на который я искала ответ всю последующую жизнь: так если столько других, которым я не нужна, если они повсюду, если они были всегда и всегда будут жить без меня, зачем же тогда я?

УЗЕЛОК

Моя бабушка давно умерла, лет двадцать назад. Иногда она снится мне помолодевшей, румяной, в светлой ситцевой кофте. Хлопочет у печки с ухватом. В моих снах она ничего никогда не говорит, даже не смотрит на меня. Но мне хорошо рядом с ней.

Бабушка была из поколения последних крестьянок и первых сталинских колхозниц, которые и за палочки в тетради учётчика не могли работать плохо. С искорёженными от работы руками и согнутыми спинами доживали они свой век с непутёвыми сыновьями, которые все поголовно пили. Тихо и беззлобно принимали старушечьи труды и болезни, уже собрав для последней своей дороги узелки. Они их так и называли «смертное».

Иногда со странной улыбкой бабушка доставала свой узелок со «смертным» и показывала его какой-нибудь дорогой гостье. Со страхом и любопытством я смотрела на «смертное». Эта обычная одежда приобретала для меня пугающий, зловещий вид. Но в бабушкином взгляде на «смертное» светилась какая-то непонятная мне тихая радость. В узелке были длинная белая рубаша, коричневая шерстяная юбка, ситцевая блузка, зелёная полушерстяная кофта, фартук с оборками, белый платок в мелкий цветочек, простые чулки и черные тапочки. На дне узелка лежали три сотни советских рублей. Вот и всё, что клали для себя в «смертные» узелки русские старухи.

ДАРЬЯ И МАРЬЯ

У моей мамы была подруга Марья, она жила по соседству. Их так и звали Дарья и Марья. И вот, в коллективизацию голод был. Папа заболел дизентерией, ходить не мог. Мама уже пухнуть стала. Марья пришла к ней и говорит:

- Дарья, пойдём в колхоз работать, там хоть кормят маленько.

- Да куда я пойду, какой с меня сейчас работник.

- Да ты хоть так, мало-мало, а там, может, поправишься.

Стали они ходить на работу. Хлеб жали. У мамы голова от голода кружится, а брать ничего нельзя. Им там давали болтушку на обед. За один трудодень один литр болтушки. Мама бежит с поля с этой болтушкой домой. А мы насобираем травы всякой, лебеды нарежем, намешаем в болтушку, все поедим помаленьку. Мама опять в поле.

Потом женщины стали шить такие длинные узкие мешочки и подвязывали их под юбкой между ног. В этих мешочках они уносили домой несколько горстей зерна. За это их могли в тюрьму посадить, в лагерь отправить или просто расстрелять, тогда ведь так было.

Этим зерном и болтушкой мама нас и спасла. А Марья не стала детям носить болтушку:

- Да что там, Дарья, носить, - говорит.

У неё все дети поумирали.

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

В гражданскую войну возле Оби погиб отряд венгров, они прикрывали отступление красногвардейцев. В юбилей решили поставить им памятник как воинам-интернационалистам. Ну, и мне поручили это дело. Я тогда секретарём по идеологии работал. Обратился я к художникам, пришёл в их союз. Те говорят:

- Думать надо, проект делать.

- Сколько надо думать? – спрашиваю.

- Месяцев шесть.

Ладно. Через шесть месяцев приносят проект: все в цвете, в разных проекция, разрезах. Скорбные лица, склонённые знамёна.

- Сколько, - спрашиваю, - стоит будет?

- Пятнадцать тысяч.

- Да у нас денег таких нет!

Свернули они свои знамёна и ушли.

Пошёл я к гробовщикам. Принёс два вермута, пару луковиц. Провёл с ними беседу о героизме венгерских воинов-интернационалистов. Они поматерились сочувственно. Спрашиваю:

- Сделаете памятник, мужики?

- Надо покумекать.

- А когда мне прийти?

- Ну, завтра к вечеру приходи.

На следующий день мы с ними сговорились. Я купил глыбу мрамора за семьсот рублей. Они её отшлифовали, винтовку отлили, надписи сделали на русском, венгерском. Всё бесплатно.

ПТИЦУ ДЕРЖИШЬ ?

Я пацаном голубей любил. Голубятни у меня не было, я их в сарае держал. Как проснусь – сразу к ним. Они меня увидят – заворкуют, затопчут, ждут уже. Я их выпущу, и они пошли круги нарезать. Крыльями бьют, переворачиваются и всё выше и выше поднимаются – скоро только точки в небе поблёскивают. У меня в те годы ничего лучшего не было, чем голуби

Хотелось мне пару персов завести. Я целый год у матери два рубля пятьдесят копеек на голубей выпрашивал. Она не дала. Приехал к нам в гости дядька мой любимый, я у него выпросил два пятьдесят. Как только дядька уехал, мать забрала деньги и сказала: «Мал ещё такие деньги иметь».

А потом всех моих голубей украли. Пришёл утром – сарай пустой. И после этого – как отрезало.

Прошло лет десять. Как-то вернулся из армии мой дружок. Собралась у него, сидели, выпивали. Рядом со мной сосед сидел.

Ему лет за сорок было, дом его через проулок рядом с нашим стоял. Он спрашивает:

- Птицу держишь?

- Да нет.

- А знаешь, кто у тебя голубей украл?

- Нет.

- Я.

У вас замок без ключа закрывался, да? А там ещё одеяло висело, вход загораживало. Я зашёл, голубей всех в мешок побросал.

Мне не хотелось говорить с ним. Я напился, ушёл домой и лёг спать. Под утро мне приснился сон, будто вывела голубка голубят и тут же хочет лететь с ними, а я думаю, как же они полетят, все в пуху ещё, но всё-таки открыл ей дверцу. Она вылетела, и они за ней. А я смотрю на них, и чувствую, стоит мне сильно захотеть – и я тоже полечу. И правда, земля от меня отодвигаться стала, небо накатило, я вслед за голубкой лечу. И всё это я уже чувствовал раньше, эту лёгкость и свободу, и ширь, а сейчас только вновь переживаю. А откуда знал я всё это? От голубей, наверное.

УТРО ИЛИ ВЕЧЕР?

Опять судорожно собираюсь на работу. Десять минут осталось до выхода – это только на зубы и сапоги. Ещё глаза успею накрасить, а на укладку времени нет. Приколкой заколю волосы. Даже серьги одеть не успею. Всю шкатулку придётся перетряхивать, пока найду эти «гвоздики» с «жемчужинкой», разумеется, фальшивой. Они маленькие. Ничего больше не подойдёт к этой блузке. Так, так. Быстрее, ещё быстрее. Кто там ещё звонит не вовремя? А, это сын вернулся. Я же его за хлебом послала.

- Заходи сынок, быстрее, я на работу тороплюсь.

- Мам, сейчас такой прикол был. Я иду за хлебом. Ко мне дедок подходит и говорит: «Паренёк, подожди, подожди, не спеши, скажи мне, сейчас утро или вечер?» Я ему говорю: «Утро» - «Ну, спасибо, сынок» - и пошёл. Представляешь? – сын рассмеялся.

- Так и спросил утро или вечер?
- Да.
- А он не придурился?
- Да нет, не похоже.
- Счастливый человек! На твоих часах десять двадцать?
- Нет. Десять двадцать пять.
- О, Боже, опять опоздала! Всё, бегу! Меня уже нет.

КОГДА МЕНЯ НЕСЛИ НА РУКАХ

Мать опустила малыша на землю, протянула ему руку:

- Пойдём.

Малыш выгнул спинку, затупотил ножками и завизжал:

- Юцки, юцки!

- Иди ножками, ты уже большой, мама устала, - раздражённо сказала мать, беря его за руку.

Малыш вырвал свою ручку и спрятал за спину:

- Юцки, юцки, юцки! – истерично вопил он, топая маленькими ножками.

Мать взяла его руку и потянула за собой. Малыш кулёчком повис на её руке, жалобно подвывая:

- Юцки, юцки.

Я смотрела на плачущего малыша и понимала его горе, я знала, за что он так отчаянно борется.

Моя детская память сохранила это удивительное чувство, которое охватывало всё моё существо, когда меня несли на руках.

Когда меня брали на руки, я становилась большой, как мама и папа, иногда даже выше их. В такт ходьбе блаженно покачивало. Если закрыть глаза, то весь мир начинал мерцать в этом ритме, вспыхивая и затухая. Если открыть глаза и посмотреть вниз, то видно было, как приближается и удаляется земля. Она даже свой цвет меняла. Из-за убегающих за папину спину серых камешков, земля становилась светлее. А надо мной покачивалось небо, оно придвигалось ко мне близко-близко, когда меня несли на руках. Мне нравилось класть голову на мамино плечо, как на подушечку, охватывать её шею руками, и тогда вся мама была моей. Можно было смотреть вперед и ощущать, как на тебя наплывает улица,

можно повернуть голову назад и следить за тем, как удалялась и сужалась в змейку тропинка. Блаженное качание длилось и длилось. Что-то торжественное появлялось вокруг и во мне. Наверное, от того, что меня несли на руках.

И вот теперь, малыш, ты низринут, ты должен топтать своими короткими ножками по земле.

Через много, много лет ненадолго тебя снова понесут на руках, но тебе будет уже всё равно.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ПИОНОВ

- Это вам! – лицо студентки осветилось улыбкой. – Она протягивала мне огромный букет лиловых пионов. – С нашей дачи, - добавила она, – мы вчера вечером их срезали.

Это был настоящий сноп. Цветы подвяли и округлили свои головки. Их было девятнадцать. Не удержалась, посчитала потом.

У меня дома даже не нашлось для них большой вазы, и я поставила их в банку с водой. Прямо на глазах они ожили: подняли и расправили резные листики, раскрыли до основания бутоны, обнажив махровую сердцевину, и... вспыхнули. Почему я не видела раньше этого чудесного пылающего лилового цвета у пионов? Собранные вместе, они неистовствовали. Может быть, дело было в их количестве, а может, в моей студентке.

Освещённые вечерним солнцем пионы горели, как самоцветы, а после заката таинственно мерцали в полумраке.

Несколько дней я любовалась букетом, отделяя увядшие цветы, пока не осталось ни одного.

Когда я до одури устаю от преподавательских забот, и все мои труды кажутся мне бесплодными и ненужными, я вспоминаю букет из девятнадцати пионов и ту застенчивую студентку, которая подарила его мне.